

Всеобщее «мы» поколения: лирический субъект и лирический сюжет

Виктория Я. Малкина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, poetika@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается тип лирического субъекта, который можно обозначить как всеобщее «мы». Это субъект, который выражается местоимением первого лица множественного числа. При этом «мы» сохраняется на протяжении всего стихотворения и обозначает неисчислимое множество, объединенное в какую-то общность. В данной статье анализируются тексты, в которых такой общностью является принадлежность к одному поколению: стихотворения П. Антокольского «Мы» (1927), Р. Казаковой «Мы молоды. У нас чулки со штопками» (1980) и А. Городницкого «Мы были» (2019). Тип субъекта в таких стихотворениях обозначается нами как собственно-личное всеобщее «мы», когда субъект, выраженный местоимением множественного лица, тем не менее является носителем единого сознания и центром художественного мира, т. е. и субъектом речи, и субъектом действия, и носителем точки зрения.

Ключевые слова: лирический субъект, лирический сюжет, местоимение «мы» в поэзии, всеобщее «мы», типология субъектов в лирике

Для цитирования: Малкина В.Я. Всеобщее «мы» поколения: лирический субъект и лирический сюжет // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. Ч. 2. С. 177–186. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-177-186

The universal “we” of a generation. Lyrical subject and lyrical plot

Victoria Ya. Malkina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, poetika@gmail.com*

Abstract. The paper considers a type of lyrical subject that can be described as a universal “we”. It is a subject that is expressed by the first-person plural pronoun. At the same time, the “we” remains throughout the poem and denotes

an unmanageable multitude united in some commonality. The article analyses texts in which such a commonality belongs to a generation: the poems “We” by P. Antokolsky (1927), “We are young. We have stockings with darns” (1980) and A. Gorodnitsky’s “We have been” (2019). The type of subject in those poems is called the personal universal “we”: the subject expressed by the plural pronoun is nevertheless the bearer of a single consciousness and the center of the artistic world, i.e. both the subject of speech and the subject of action, and the bearer of a point of view.

Keywords: lyrical subject, lyrical plot, pronoun “we” in poetry, universal “we”, typology of lyrical subjects

For citation: Malkina, V.Ya. (2020), “The universal ‘we’ of a generation. Lyrical subject and lyrical plot”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, part 2, pp. 177–186, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-177-186

В центре внимания данной статьи – тип лирического субъекта, который обозначается первым лицом не единственного, а множественного числа, то есть не «я», а «мы». Он не так часто становится предметом специального рассмотрения, хотя отдельные работы, разумеется, существуют [Носорева 2009; Корчагин 2019] и др.

Значительно лучше местоимение «мы» изучено в лингвистике, где ему посвящено множество исследований, касающихся как русского, так и других языков. Так, К. Бюлер проводит различие между инклюзивным и эксклюзивным «мы», в зависимости от того, «когда отправитель включает в *мы* получателя, и случаями, когда он исключает его и, возможно, прямо причисляет его к другой партии, – партии *они*» [Бюлер 2000, с. 129]. К.Е. Майтинская уточняет, что инклюзивное «мы» может включать в себя варианты «Я + ты», «Я + вы», «Мы + ты», «Мы + вы», а эксклюзивное, соответственно: «Я + он», «Я + они», «Мы + он», «Мы + они» [Майтинская 1969, с. 162].

Если применить это к литературе, то получается, что эксклюзивное «мы» больше свойственно нарративу (рассказу о ком-то), в то время как инклюзивное – перформативу (непосредственной ситуации разговора). Если, вслед за В.И. Тюпой [Тюпа 2013, с. 112–123], считать лирику перформативом, то получается, что в ней любое «мы» так или иначе инклюзивно, так как включает собеседника в виде читателя. Различия будут, если рассматривать функционирование «мы» внутри художественного мира стихотворения.

При этом важно, что «мы» не есть просто множественное число от «я». Э. Бенвенист пишет: «...так как невозможно иметь несколько

“я”, осознаваемых как “я” говорящим, то “мы” является не множественностью идентичных объектов, но некоторым сочетанием, состоящим из “я” и “не-я”, каковым бы ни было при этом содержание этого “не-я”. <...> Наличие “я” является фактором, на основе которого существует “мы”» [Бенвенист 1974, с. 267].

Ю.И. Левин в своей статье о лирике любое использование местоимения «мы» определяет как обобщенное первое лицо, вне зависимости от того, имеется ли в виду двойственное или множественное, инклюзивное или эксклюзивное «мы». При этом он замечает, что использование такого «обобщенного *мы* парадоксальным образом сочетает в себе общезначимость и интимность» [Левин 1998, с. 476].

И.Ю. Гранева, используя коммуникативно-прагматический подход, в качестве основных выделяет референтное и неререферентное «мы». Соответственно, референтное «мы» предполагает референцию к участникам коммуникации, а «неререферентное употребление *мы* связано с отсутствием отсылки к непосредственному участнику речевой ситуации» [Гранева 2009, с. 12]. Она выделяет, применительно к художественной литературе, «мы нарративное» и «мы лирическое» (референтные типы) и «мы поэтическое» (неререферентное). На эту терминологию отчасти опирается Н. Азарова, говоря об употреблении местоимения «мы» в новейшей поэзии [Азарова 2019].

В данной статье, однако, речь пойдет не о семантике употребления местоимения «мы» в поэзии, а о маркировании при помощи этого местоимения особого типа субъекта, который можно обозначить как всеобщее «мы». Такой тип субъекта характеризуется употреблением личного местоимения первого лица множественного числа, подразумевает неопределенное число (множество) и не распадается на «я» и «ты/он(а)» или «я» и «вы/они» и т. п. Соответственно, точка зрения в таком стихотворении также не личная, а сверхличная, принадлежащая не одному лицу, а их общности (человечество, народ, поколение и т. п.).

Как раз поколение как общность такого рода и будет в центре нашего внимания. В качестве основного материала выбраны три стихотворения, написанные в разные годы: «Мы» П. Антокольского (1927), «Мы молоды. У нас чулки со штопками...» Р. Казаковой (1980) и «Мы были» А. Городницкого (2019). Наша цель – ответить на вопрос, есть ли в этих текстах что-то общее, кроме употребления местоимения «мы» применительно к своему поколению, а также выявить, как такой тип субъекта в стихотворении организует внутренний мир и лирический сюжет, т. е. собственно развертывание рефлексии лирического субъекта. Для этого необходимо проана-

лизировать субъектную и пространственно-временную структуры стихотворения, а также лирическое событие.

Начнем в хронологическом порядке, со стихотворения П. Антокольского «Мы» (1927)¹. «Мы» тут оказывается не только единственным субъектом речи, но и фактически единственным субъектом вообще, поскольку эксплицированного адресата в тексте нет. Но есть противопоставление (в 3-й строфе) тому, кто «призван в бессмертную рать», в отличие от «мы», которое умирать не хочет, и это общее желание жить является одним из объединяющих факторов поколения. Вторым – возраст, середина жизни («Все сделано до половины. / Мы в смерти своей не вольны. / В рожденье своем неповинны!»), третьим – пережитый опыт («солдаты последней войны»). И, наконец, четвертым объединяющим фактором является общий культурный опыт: книги, музыка и живопись, формирующие общность «мы» («Мы – Хлебников, Скрябин и Врубель»). И, кстати, это то, что позволяет читателю также встроиться в это «мы» (если, конечно, у читателя сформирована соответствующая культурная память).

Пространство в стихотворении, с одной стороны, максимально широкое и открытое, о чем говорят связанные с ним образы: «В разбеге шлагбаумных столбов», «Пространство метельной зимы». С другой – периодически оно сужается и закрывается: «На узкий прощениум стужи», «Гроба человеческих лбов». При этом в стихотворении задана не только пространственная горизонталь, но и вертикаль, причем с нее все и начинается: «Пусть падают на пол стаканы», «Пусть бронзовые истуканы / С гранитных срываются скалы!» Также это пространство динамическое. Во-первых, оно сужается и расширяется, во-вторых, сквозь него все время проходит движение: «Что вышибло доски гробов, / Что шло из губернского края» и т. д.

Одна из главных динамических сил в данном стихотворении – время. Именно оно движется с максимальной скоростью («мчащееся сквозь года»), и при этом соединяется с пространством в единые образы («пространство метельной зимы», «сейчас же и тут же»). В стихотворении присутствуют все временные пласты, как грамматически, так и сюжетно. Основное время – настоящее, здесь и сейчас, где существует «мы»: середина жизни, «сегодня», где «мы живы. Нам рано на убыль», и «мы не хотим умирать». Но

¹ Антокольский П.Г. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. Л.И. Левина, сост., подгот. текста и примеч. Н.Б. Банк. Л.: Советский писатель, 1982. С. 310–311 (Библиотека поэта. Большая серия). В дальнейшем текст стихотворения цитируется по данному изданию.

есть и прошлое, которое сформировало это «мы» (пятая и шестая строфы). Кроме того, есть будущее, которое сначала появляется в третьей строфе («факелы завтрашних зорь»), а затем в финальной, когда «наше сегодня» становится «нашим навсегда», тем самым превращаясь в вечность. Здесь и происходит лирическое событие, когда еще раз постулируется единство «мы» как поколения – при всем обозначенном разнообразии тех, кто в эту общность входит (*Евангелъе/алкоголь, студенческое – монашье – воинское*). И это поколенческое «мы» оказывается единым навсегда, преодолевающая границы и временные, и лично-субъектные: оно является целостным, несмотря на все противоречия, обозначенные при его становлении.

В отличие от «Мы» П. Антокольского, в стихотворении Р. Казаковой «Мы молоды... У нас чулки со штопками...» (1980)² никакого разнообразия нет: «мы» едино от начала и до конца. Кроме возрастной общности, здесь также маркирована гендерная, то есть субъекта можно обозначить как «мы, девушки». Оба эти маркера важны в коллективной идентичности «мы», хотя акцентируется, в первую очередь, возрастной: «мы молоды» повторяется в стихотворении 4 раза, еще 2 раза – «молодость», и 1 раз – «молодо». Принадлежность к определенному поколению обозначена не историческими событиями или культурной памятью, как у Антокольского, а бытовыми деталями: «чулки со штопками», «ситцевые платица / и стоптанные наши каблучки», «дешевенькие шторки». И именно это инкорпорирует в «мы» читателя, провоцируя всякого рода ностальгические паблики делиться этим стихотворением, сопровождая его комментариями вроде *каждая девушка, выросшая в СССР, поймет это* или *девочки СССР, это про нас* и т. п.

«Мы» здесь настолько едино, что обладает общими субъективными ощущениями («нам трудно»), характеристиками («мы любим спорить и ходить пешком...») и данными органов чувств: «Как пахнут ночи! Мокрым камнем, пристанью, / пылью цветочной, мятою, песком...», «Мы смотрим строго, пристально». Изображенный взгляд со стороны также подчеркивает целостность множества: «Прощаются нам ситцевые платица / и стоптанные наши каблучки». Кроме «мы», здесь есть «они» (мальчики), и есть обращение и заклинание, но оно относится не к другим людям, а, по сути, тоже связано с «мы», хотя и обращено к неким не названным силам: «Ах, не покинь нас, ясное, весеннее», «И пусть луны сияющая денежка / останется дорожке всех монет». Обращение в первой строке заключительной строфы, хотя и адресовано формально к «вы» («Под-

² Казакова Р.Ф. Страна Любовь: стихотворения. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 6. В дальнейшем текст цитируется по данному изданию.

нимайте молоты!»), по сути, является автокоммуникацией. Это обращение «мы» к самим себе, что подчеркивается и троекратным повтором («молодости», «молоды», «молодо») и почти омонимическим «молоды» / «молоты» в клаузуле первой и третьей строк.

По сравнению со стихотворением Антокольского, здесь меньше внимания уделено пространству, хотя пространственные образы, движение и динамика также есть (*темные парки, пристань, песок, дороги, реки*). Зато время также присутствует в полном объеме, и по-прежнему основное время – это настоящее, как грамматически, так и сюжетно. Но есть и прошлое: детство и детские мечты («У нас уже – не куклы и не мячики, / а, как когда-то грезилось давно...»), и будущее. Обращение к будущему возникает сначала в пятой строфе, когда речь заходит о предстоящем взрослении, а затем повторяется, как и у Антокольского, в последней строфе, причем оборачивается вечностью: «мы будем вечно молодо / смотреться в реки, книги, зеркала». Что интересно, зеркала у Антокольского были тоже, но в первой строфе, и это были «кривые балаганные зеркала» с жутким оскалом. Здесь же мы видим просто зеркала, но в максимально значимой позиции, в последнем слове. Молодость будет вечной именно потому, что сможет увидеть свое отражение: в природе, в культуре и в зеркале; и именно этот переход от настоящего в будущее становится лирическим событием.

В стихотворении (песне) Александра Городницкого «Мы были» (2019)³ «мы» также едино. Его можно обозначить как «мы, геологи и поэты». Общность здесь определяется упоминанием исторических и бытовых реалий: Горный институт, геологические экспедиции, книжки стихов. Однако если у Антокольского и Казаковой речь шла от лица поколения, находящегося в своем расцвете, то лирический субъект Городницкого говорит от лица поколения ушедшего, причем не противопоставляя, а соединяя себя с ним, отсюда многократно повторенные, по сути, оксюморонные конструкции «мы были» и «нас нет»: высказывание как бы принадлежит тем, кого уже нет в живых (причем в песне это повторение еще более акцентировано, так как две последние строки каждого куплета повторяются по 2 раза). Отсюда, конечно, есть сложность в присоединении слушателей к этому «мы».

³ *Городницкий А.М.* Между сушей и водой. СПб.: Фонд русской поэзии: Реноме, 2020. С. 147–148. В дальнейшем цитируется по данному изданию. В нем текст включен в состав цикла стихов (поэмы) «Мы были», посвященной «памяти поэтов литобъединения Ленинградского горного института» (с. 130). В альбоме «Книжечки на полке» (2020) и на концертах песни исполняется отдельно.

Но зато здесь, в отличие от предыдущих стихотворений, есть эксплицированный адресат – «вы», потомки, читатели. Потомки возникают в первом же куплете, вместе с «мы», сначала в третьем лице, как объектный образ («не сыщут потомки наш юный народ»), но уже во втором куплете появляется обращение к ним: «Взгляните, потомки, на наши стихи», которое затем продолжится и в третьем. «Мы» и «вы» здесь противопоставляются: «Когда-то придуманный нами куплет / поете сегодня не вы ли?», «Мы книжечки наших стихов / На вашу поставили полку». Но «вы» становится полноправным (хотя и односторонним) участником коммуникации. И, кстати, то, что это песня, то есть звучащий текст, тем более имеет значение: мы буквально слышим обращение к нам, слушателям, особенно если речь идет о концертном исполнении.

Обратим внимание также на максимально широкое пространство, в том числе и географическое, а также на то, что и здесь есть визуальные образы: но если у Казаковой смотрели «мы», т. е. лирический субъект, то теперь «мы» – «невидимки» («Мы в юности были совсем неплохи, / Хоть стали теперь невидимки»), а смотреть должны потомки на то, что осталось: на фотографии вместо зеркал и по-прежнему на книги (стихи): «Взгляните, потомки, на наши стихи, / На наши веселые снимки».

И точно так же, как в двух предыдущих стихотворениях, здесь есть прошлое, настоящее и будущее. В прошлом жили «мы»: «Мы вязли в пучине игарских болот, / Искали уран на Памире», писали стихи, в общем, «мы были». Сейчас – сегодня – нас нет, но потомки поют «придуманный нами куплет». В первых трех куплетах прошедшее время преобладает, несмотря на рефрен «сегодня нас нет». А вот в заключительном куплете прошедшее время исчезает вовсе, и преобладает настоящее, причем вневременное настоящее. В последней же строке появляется будущее: «Мы будем, мы будем, мы будем». При этом, конечно, нарушаются ожидания читателя-слушателя: после повторенного «ну что оттого, что сегодня нас нет» мы ждем заглавное «мы были», но прошлое время сменяется будущим, которое опять, как у Антокольского и Казаковой, становится вечностью. Преодоление границ времени и смерти здесь также является лирическим событием.

Именно такой лирический сюжет – осмысление коллективным субъектом единства поколения от прошлого через настоящее к будущему – становится инвариантным для стихотворений, где всеобщее «мы» является «мы» идентичности поколения.

Подведем итоги. Тип лирического субъекта, который обозначен нами как всеобщее «мы», характеризуется, во-первых, употреблением на протяжении всего стихотворения личного

местоимения первого лица множественного числа (и соответствующих этой форме глаголов и притяжательных местоимений). Всеобщее «мы» является инклюзивным и референтным, включающим в себя других участников коммуникации. Оно предполагает наличие множественной, но единой, всеобщей точки зрения на мир. Во-вторых, это «мы» предполагает некое множество, не исчисляемое (и точно не двойственное), но объединенное каким-то признаком (признаками). В-третьих, оно остается неизменным на протяжении всего стихотворения, т. е. из него не вычленяется «я», хотя вполне возможно наличие адресата или объекта высказывания.

В стихотворениях же, где всеобщее «мы» присутствует и относится к поколению, оно является и субъектом речи, и носителем точки зрения, и предметом изображения. Его место во внутреннем мире произведения соответствует тому типу субъекта, который С.Н. Бройтман обозначил как лирическое «я», т. е. когда «носитель речи становится *субъектом-в-себе, самостоятельным образом*»⁴. Только в данном случае этим носителем речи и образом является не «я» (единичность), а «мы» – единство. Всеобщее «мы» поколения является центром своей собственной всеобщей и неделимой картины мира, поэтому его можно обозначить как собственно личное всеобщее «мы». И эта картина включает в себя, в первую очередь, движение во времени – от прошлого – через настоящее – к будущему. Лирический сюжет в стихотворениях с таким типом субъекта представляет собой рефлексию о ходе времени, общности поколения и его сохранения в вечности. При этом, как замечал Ю.И. Левин, «*Мы* означает здесь и “я”, и “ты”, и “все” (каждый); в результате возникает коммуникация интегрального характера, и реальный читатель подключается к этому *мы*, вовлекаясь во внутритекстовую коммуникативную ситуацию, принимая участие в том разговоре человечества с самим собой, который дан в тексте» [Левин 1998, с. 476]. В данном случае речь идет о разговоре поколения с самим собой; читатель может подключаться к нему и как часть этого поколения («мы»), и как адресат («вы»), но инклюзивность «мы» в любом случае делает его частью той коммуникации, которая выстраивается в тексте стихотворения.

⁴ Бройтман С.Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение: литературное произведение: основные понятия и термины / Под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, 1999. С. 146.

Литература

- Азарова 2019 – Азарова Н. Новые проблемы старого «мы» // Russian Literature. 2019. Vol. 109–110. P. 275–300.
- Бенвенист 1974 – Бенвенист Э. Общая лингвистика / Ред., вступ. ст., коммент. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 447 с. (Языковеды мира)
- Бюлер 2000 – Бюлер К. Теория языка; Репрезентативная функция языка: пер. с нем. / Общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной; вступ. ст. Т.В. Булыгиной, А.А. Леонтьевой. М.: Прогресс, 2000. 528 с. (Филологи мира)
- Гранева 2009 – Гранева И.Ю. Местоимение *мы* в современном русском языке: коммуникативно-прагматический подход: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2009. 28 с.
- Корчагин 2019 – Корчагин К.М. Поэтическое *мы* от авангарда 1920-х годов до новейшей политической поэзии // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 9–22.
- Левин 1998 – Левин Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 464–480.
- Майтинская 1969 – Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 308 с.
- Носорева 2009 – Носорева Т.В. Местоимение «мы» в поэзии Ф.И. Тютчева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 93. С. 203–207.
- Тюпа 2013 – Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.

References

- Azarova, N. (2019), “New issues with the old ‘we’ ”, *Russian Literature*, vol. 109–110, pp. 275–300.
- Benveniste, E. (1974), *Obshchaya lingvistika* [General linguistics], Progress, Moscow, USSR.
- Bühler, K (2000), *Teoriya yazyka; Reprezentativnaya funktsiya yazyka* [The theory of language; The representational function of language], Progress, Moscow, Russia. (*Philologists of the World*)
- Graneva, I.Yu. (2009), *Mestoimenie my v sovremennom russkom yazyke: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod* [The pronoun *we* in modern Russian. A communicative-pragmatic approach], Abstract of Ph.D. dissertation (Philology), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.
- Korchagin, K.M. (2019), “Poetic we from the avant-garde of the 1920s to the latest political poetry”, *Critique and Semiotics*, no. 2, pp. 9–22.
- Levin, Yu.I. (1998), “Lyrics from a communicative point of view”, in Levin, Yu.I., *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected works. Poetics. Semiotics], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 464–480.

- Maitinskaya, K.E. (1969), *Mestoimeniya v yazykakh raznykh system* [The pronouns in languages of different systems], Nauka, Moscow, USSR.
- Nosoreva, T.V. (2009), "The pronoun 'we' in the poetry of F.I. Tyutchev", *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 93, pp. 203–207.
- Tiupa, V.I. (2013), *Diskurs / Zhanr* [Discourse / Genre], Intrada, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Виктория Я. Малкина, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; poetika@gmail.com

Information about the author

Victoria Ya. Malkina, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; poetika@gmail.com